

Быкасов Валерий Егорович,

научный сотрудник Института

вулканологии и сейсмологии ДВО РАН

В первой части своих заметок о развитии Камчатки («Вести», № 867, 15 января 2020 г.) я попытался осветить события конца 80–90-х годов прошлого века. И тогда же пообещал вернуться, если получится, к этой теме с тем, чтобы попробовать показать, почему в оценке политической и социально-экономической ситуации тех лет ошиблись властные структуры, официальные эксперты и прочие профессионалы, а не «бывший кочегар», как меня в глаза и за глаза именовали в те времена мои оппоненты.

Начать же эту часть следует с рассмотрения современного методологического аппарата социально-исторических наук. Ибо это поможет понять, почему проведенное мною в 1986–1989 годах эвристическое (то есть основанное на интуиции – озарении, инсайте) предвидение назревающих событий оказалось более эффективным, чем попытки профессионалов оценить политическую и социально-экономическую ситуацию в стране и в регионе.

Дело в том, что до недавнего времени в социально-исторических науках господствовало суждение о линейно-прогрессивном характере развития человеческого социума, с учетом, разумеется, задержек и некоторых отклонений от этой генеральной линии. Хотя еще античные ученые высказывали мысль о том, что время от времени в том или ином сообществе возникают процессы, приводящие к упадку, а то и к полному исчезновению несокрушимых, казалось бы, государств. Но только в конце XX столетия таковые представления, в виде теории «антипрогрессизма», вновь вышли на свет из небытия. И на смену прогрессивно-исторической парадигме пришло новое понимание развития человеческого общества, суть которого заключается в признании бифуркационно-революционного (бифуркационно-катастрофического) характера развития социальных, экономических и политических процессов.

При этом базовой основой данной методологии является, как считал известный философ XX века Питирим Сорокин, представление о том, что история имеет дело с уникальными объектами – людьми и особенностями их психологии [Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994]. Что, по его мнению, и делает каждую эпоху своеобразной и не похожей на другие (например, античность принципиально отличается от Средневековья, а оно – от Нового времени и т.д.).

Отталкиваясь от этого представления, П. Сорокин сделал следующий основополагающий вывод: *«Каждый закон в подлинном смысле этого слова предполагает повторение. История же не знает повторений; поэтому говорить о законах истории – значит, не понимать истории* » [там же, с. 518]. И добавил, что так называемые линейные теории развития общества исходят из существования некоего абстрактного «человечества», которого в действительности нет. А потому, как подметил по этому же поводу Л. Стоун: *«... именно в силу встроенной случайности человеческого поведения не существует научных законов истории, как не существует и способов успешно предсказывать будущее..* » [Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994, № 4.].

То есть законов прогрессивно-линейной эволюции человеческого общества нет. Хотя тот же П.А. Сорокин и признавал, что в отдельные этапы развития социума линейность как таковая все же имеет место быть. Подчеркивая при этом, что: *«Линейно развиваются лишь некоторые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени, которые различны для разных социокультурных единиц* » [Сорокин, 1994, с. 358].

Но коль скоро теория прогрессивного развития, пригодная для описания отдельных периодов социального процесса, не может претендовать на адекватное отражение процессов развития общества в целом, то, получается, что человеческий социум развивался по линейно-прогрессивному принципу только в отдельные времена. И этот вывод современных историков и философов получил весьма весомое теоретическое обоснование в лице современной методологии синергизма.

И действительно, согласно этой методологии окружающий человека мир представляет собой неравновесную систему, в которой доминирует хаос [Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. Общая редакция и послесловие В. И. Аршинова и др. М.: Прогресс, 1986; Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991, 240 с.].

При этом возникновение в этой системе время от времени равновесного состояния, в котором проявляются и линейность, и порядок как таковые, является всего лишь частным случаем проявления неравновесного состояния.

Но все же самое фундаментальное положение этой методологии заключается в том, что переходное состояние от хаоса к порядку и наоборот всегда приурочивается к точкам бифуркации. То есть к точкам (а лучше сказать к крайне узким зонам перехода от одного состояния к другому. – **В. Б.**), в которых возникают и функционируют разного рода флуктуации (случайные факторы). Чем, кстати, предопределяется и многовариантность развития событий и отсюда невозможность предсказания того, какой из этих факторов станет решающим и определит будущее системы. Это возможно только угадать.

Впрочем, об угадывании речь пойдет позже. А пока еще раз подчеркну, что принципиальное отличие синергетической методологии от прогрессистского подхода к описанию процессов развития заключается в том, что в предельно узкой зоне бифуркации любая динамика, включая социальную, характеризуется неопределенностью. Отчего создание прогнозов на будущее только на основе прошлого опыта развития конкретной социально-экономической ситуации в моменты бифуркации просто невозможно.

И действительно, вот как эту зависимость развития исторических ситуаций от случайностей оценивают С.П. Капица с соавторами: *«Изменения в последовательности исторических событий от упорядоченных к хаотическим редки, внезапны, приводят к относительной нестабильности и обычно происходят в точках, где ранее упрочившиеся «необходимости» приходят в столкновение с другими, так что «случайность» получает шанс изменить направление событий»*

» [Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997, с. 69].

Согласился с ними в этом вопросе и И.А. Василенко *«... линейные процессы в природном мире аномальны из-за своей разрушительности; непрерывное развитие в одном направлении заканчивается катастрофой»*

» [Василенко И.А. Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии, 1997, № 9, с. 48]. А чуть позднее Т.Г. Лешкевич подчеркнул, что: *«... изолированно существующих линейно упорядоченных процессов нет. Если они на поверхности так себя проявляют, то это всего лишь частные случаи – отрезки сложно ветвящихся процессов»*

» [Лешкевич Т.Г. Постнеклассическая методология: эволюция парадигмы фундаментальной философии // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 1998, № 6, с. 52].

Иначе говоря, современные научно-философские воззрения на историю развития человеческого общества говорят о том, что в зоне бифуркации любая ситуация, прежде всего и главным образом, характеризуется неопределенностью. Причем неопределенностью настолько значимой, что на основе имеющейся информации о прошлом развитии социосистемы построить достоверный прогноз дальнейшего развития ситуации при достижении зоны бифуркации невозможно. Вот отчего попытки свести общественное развитие к линейной динамике оборачиваются застоем, а нередко и крахом. Ибо, как говорил Н.Н. Моисеев по поводу эволюции систем: *«В период бифуркации практически исчезает память системы, т.е. резко снижается роль наследственности, сужается значение отбора, но возрастает игра случайностей. И далеко не всегда побеждает самый сильный»*

» [Моисеев Н.Н. Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. 1994, № 4, с. 9]. Что, кстати, и доказывается примером развала СССР, а также украинского майдана, когда заведомо более слабые оппозиционеры сокрушили «могущественную» КПСС, а пассионарное националистическое, радикальное меньшинство населения убрали уныло-умеренное большинство сторонников «всесильного» Виктора Януковича.

Итак, фундаментальные принципы синергетики требуют отказа от некоторых базовых положений прогрессистских концепций в общественно-социальных науках. И в первую очередь отказа от представления об однозначной зависимости будущего от прошлого. В целом же синергетические представления о путях и формах развития природных и социальных систем подводят нас к выводу о том, что, поскольку в окружающем нас мире господствует неравновесность, то линейное развитие является всего лишь одной из частных форм природной и социальной динамики. Отчего в любой природной или социальной системе рано или поздно возникает особое переходное состояние от порядка к хаосу – то есть зона бифуркации, в которой проявляют себя разного рода флуктуации, выступающие в роли случайных факторов (триггеров). Чем, собственно, и предопределяется принципиальная **невозможность логически обоснованного** предсказания того, какой из этих факторов станет решающим и определит дальнейшее развитие ситуации.

Кстати, в связи со всем сказанным нелишне будет упомянуть и о методологии математического моделирования природных, экономических и социальных процессов. Поскольку ей некоторое время отводилась ведущая роль в управлении технологическими, экономическими, социальными и политическими процессами и явлениями.

Дело в том, что эта методология, достаточно успешно проявляя себя при работе с техническими системами, зачастую не срабатывает при оценке развития сложных социальных процессов. И не срабатывает потому, что моделирование, в том числе и математическое, базируется на заранее и определенном образе заданных параметрах и критериях. То есть, иначе говоря, модели не могут дать больше того, что в них заложено. А закладывают в модели представления, параметры и коэффициенты люди, которым свойственны и пристрастия, и ошибки.

И вот что, кстати, сказал по этому поводу выдающийся эколог и мыслитель нашего времени Н. Реймерс: *«Применяя чрезвычайно полезный метод концептуального, натурального и математического моделирования, нужно четко осознавать его ограничения. Я уверен, что все те, кто хоть как-то прошел школу А.А. Ляпунова и других наших выдающихся математиков, иначе и не мыслят. И это не агностицизм, а обычный научный реализм. Ну а что касается агностицизма, то и ему остается место в нашей жизни. Имеется класс так называемых контринтуитивных систем и событий, адекватное моделирование которых принципиально невозможно: они всегда для нас останутся «черным ящиком», всегда будет множество вариантов решения. Ну и что? Жизнь нельзя загнать в шкалу от +1 до -1. Может быть и обидно, но это так. Или мы уже привыкли к абсолютным истинам? Тогда нас уже нет, ибо остановка – это смерть»* [Реймерс Н. Ф. Природопользование. М.: Мысль, 1990. 637 с.].

Ну а теперь, после этого несколько эклектического экскурса в бифуркационно-катастрофическую методологию, проиллюстрирую сказанное примерами из собственной практики предвидения (предугадывания) назревающих событий. Причем поскольку жанр эссе позволяет быть достаточно свободным в выборе манеры и порядка изложения сути дела, то начну я с приведения цитаты, ибо она помогает более точно расставить акценты.

В свое время Родрик Брейтвейт, служивший в 1988–1992 годах послом Англии в СССР и в России, по поводу развала СССР высказался следующим образом: *«В мире время от времени происходят события, повергающие людей в шок своей неожиданностью. Например, еще за год до развала СССР никому и в голову не мог прийти такой финал великой державы, даже ЦРУ, наверное, на это не надеялось»* [Куда мы денемся? «Поиск» № 13, 4 апреля 2003].

Однако господин посол явно слукавил. Ибо еще в 1985 году З. Бжезинский, за спиной

которого стояла вся интеллектуальная, разведывательная, военная и экономическая мощь Запада, заявил, что в ближайшее время СССР прекратит свое существование. Озвучив тем самым ожидаемые результаты грамотно проведенной западными странами работы по демонтажу социально-экономической и политической структуры СССР. И английский посол не только знал об этой подрывной деятельности, но и приложил по долгу службы к этому собственную руку.

Другое дело, что это событие оказалось неожиданным для многих отечественных экспертов от политики. Вроде, например, небезызвестного на то время политолога А. Миграняна, который даже в 1989–1990 годах рассуждал не о возможности распада страны, а о вариантах создания в ее границах конфедеративного государства [Мигранян А. Реформа политической системы: куда она ведет? СССР: демографический прогноз. 1989]. А некоторые из особо привилегированных журналистов того времени, спустя 14 лет после распада Союза и вовсе сочинили таковой вот опус: *«Войну мы знали по рассказам родителей, хрущевскую оттепель не застали, вошли во взрослую жизнь в самый разгар застоя с уверенностью, что на наш век его точно хватит. Ошиблись, и были счастливы этой ошибкой. Понимали, нам повезло больше многих. К началу 90-х каждый из нас уже хлебнул позднесоветской жизни с ее фальшью, цинизмом и смертной тоской. Нам было что не любить и к чему стремиться. В то же время мы были достаточно молоды, чтобы попробовать себя в новой эпохе, успеть совершить в ней собственные ошибки и даже некоторые из них исправить. Во всяком случае в 90-х нам казалось именно так. То, что произошло в стране в эти годы, было неожиданностью для всех. Не верьте тем, кто говорит сегодня, что предчувствовал перемены. Они упали на нас как снег на голову какому-нибудь африканцу*

» [90-ые, страна. Сборник статей под редакцией генерального директора ИТАР-ТАСС В. Игнатенко. Вступительная статья и сопроводительный текст Л. Телень. М.: ИТАР-ТАСС, 2005].

Очень, подчеркну, примечательный опус. Примечательный тем, что он является всего лишь запоздалой попыткой его авторов упаковать свой собственный грех по воспеванию «отцов перестройки» в изящную обертку. Но, во-первых, обертка – это не конфетка. Но, во-вторых, предупреждения о возможном развале СССР все же были. Ибо некоторые из непредвзятых исследователей попытались показать, что развитие ситуации в стране подходит к той точке, после которой начинается хаос. В частности, еще в 1984 году известный советский диссидент В.К. Буковский, отвечая на вопрос западных журналистов о будущем СССР, сказал, что через 15 лет таковой страны не будет. («АиФ» № 2, 2004 г.)

Не стану гадать – что им двигало, когда он сделал такое заявление. Но в любом случае это оказалось прозрением, которое сбылось. И которое наглядно подтверждает

возможность **эвристического предугадывания** наступающего перелома. А потому остается лишь добавить, что, во-первых, представления о бифуркационном характере развития природных и социальных систем, процессов и явлений, пусть бы и подспудно, пусть бы и без их подкрепления математическим флером, возникали еще задолго до появления современной синергетики. И что, во-вторых, ощущение, на интуитивном уровне, бифуркационно-катастрофического характера развития природных и социальных систем время от времени проявлялось в неожиданных и, казалось бы, абсурдных прозрениях непонятых и непризнанных провидцев.

Впрочем, таковые прозрения кажутся абсурдным лишь на первый взгляд. Да и то лишь только потому, что они противоречат господствующим в обществе представлениям и ожиданиям. На самом же деле в основе таковых прозрений лежит, по мнению С.О. Макарова, выявление (**на принципе обобщения, пусть бы даже и незначительных, фактов, подчеркивал ученый**) тех проблем, которые подспудно зреют в том или ином изучаемом объекте, процессе или явлении. Отчего отдельным людям и удается иногда предугадать развитие событий. Другое дело, что таковые предсказания не воспринимались потому, что они высказывались либо неугодными, либо неудобными для властей и обслуживающей их «элиты» личностями.

Впрочем, чтобы не выглядеть голословным, сошлюсь на собственный опыт подобного предвидения.

Итак, как я уже говорил в предыдущей заметке, в 1986 году мною на основе осмысления весьма скудных фактов о нарастании националистических настроений в СССР была высказана мысль о том, что страна в своем развитии подошла к той черте, после которой все прежние подходы к разрешению сложившейся ситуации не смогут обеспечить урегулирование возникших социально-экономических и национально-политических проблем.

О том, что это было не гадание на кофейной гуще, а именно эвристическое обозначение проблемы, говорит то, что одновременно с выявлением самой проблемы мною было предложено и ее решение – незамедлительный отказ от национально-территориального принципа административного членения страны и переход на территориально-экономическую структуру управления с образованием на территории СССР 35–40 губерний. Причем предлагалось это действие не в качестве цели (самоцели), а как средство предотвращения катастрофического распада страны и неизбежно связанной с этим социально-экономической разрухи. Ибо возвращение к губернскому управлению страной могло отложить на время распад СССР и тем самым дать стране

шанс для того, чтобы можно было попробовать продлить существование единого государства. С тем, чтобы в дальнейшем произвести цивилизованный «раздел квартир».

Воспользовавшись официальным приглашением центральной власти к соучастию в дискуссии по проблемам развития страны, я разослал эти свои представления в ЦК КПСС, в Советы Министров СССР и РСФСР. А также в редакции некоторых газет. Однако лишь из редакции «Литературной газеты» пришел вежливый отказ, суть которого предельно точно можно охарактеризовать словами классика: *«Этого не может быть никогда, потому что этого не может быть никогда»*. Ах, как, помнится, хвалили сами себя редакции либеральных изданий за свою приверженность плюрализму и свободе слова.

Впрочем, речь сейчас не об этом, а о том, что вот уже более четверти века либеральная «элита» России запихивает страну в «прокрустово ложе» международных экономических и политических соглашений, настырно уверяя нас, что «сообща и батьку (кризис) легче бить». Однако напомним, что США только потому и стали великой державой, что до самого последнего момента стояли над дракой взбесившихся к 1914 году от жиру правителей англосаксов и германцев. И что Россия потому претерпела потрясения революции и гражданской войны, что вместо продажи воюющим странам продовольствия и сырья ввязалась в чуждый для нее военный конфликт.

Что же касается современной ситуации, то нынешние попытки войти в элитный клуб наиболее развитых стран за счет односторонних уступок и игры по чужим правилам в очередной раз обернулись для страны глубочайшим социально-экономическим потрясением. Не говоря уже о том, что о нас не вытирает ноги лишь самый ленивый. Мы же лишь пытаемся найти «зеркальный» ответ. А потому не лучше ли будет, если мы действительно хотим мира и процветания для **СВОЕГО** народа, заняться, наконец-то собственными проблемами без особого внимания ко всему остальному миру? Понятно, конечно же, что полностью от всеобщего хаоса и зла отгородиться не получится, но попробовать, на мой взгляд, все же стоит.

И в качестве одного из путей достижения таковой сознательной самоизоляции я предлагаю (**в качестве поправки в Конституцию РФ, кстати**) установить 100-мильную морскую границу России. А заодно и расширить зону исключительных экономических интересов до 500 миль. Законодательно признав при этом, что в пределах тех акваторий, где в настоящее время границы наших пограничных и экономических зон соприкасаются с таковыми же границами других стран, все останется как есть. И только в Северном Ледовитом океане эта граница сдвинется севернее нынешних. Не выходя

опять же при этом на западе и на востоке за линии раздела с Норвегией и США.

Добавлю, кстати, что в случае принятия такого конституционного акта Охотское море окончательно станет нашим внутренним морем. То есть морем без той «открытой части» морской акватории, прикрываясь наличием которой в наши воды для браконьерского лова рыбы и прочих морепродуктов норвежат залезть все кому не лень. Как, кстати, законодательно закрытым для иностранных браконьеров станет и западный шельф Берингова моря.

То есть, говоря иначе, этим самым мы раз и навсегда закроем шельф Северного Ледовитого океана (который, кстати, уже передан международным сообществом под управлением России), а также Охотского и Берингова морей от несанкционированного освоения другими странами. Хотя и не исключим совместное освоение их природных ресурсов на основе договорных отношений. И вот это действительно был бы симметричный ответ. Пока же вся симметрия заключается в лишь том, что убытки попавших под дискриминацию наших компаний возмещаются за счет снижения жизненного уровня населения России.

Что же касается реакции со стороны других стран, то скажу просто – переморщатся. Как это произошло, например, после так называемой «тресковой войны» между Исландией и Англией, возникшей после установления нынешних 200-мильных зон исключительных экономических интересов морских государств. И как это происходит после присоединения Крыма.

Тем не менее для того, чтобы приумерить страсти и обвинения со стороны нелояльных к России стран, следует объявить всю территорию Крайнего Севера, включая Камчатку и прилегающую к ней нынешнюю 200-мильную зону исключительных экономических интересов Охотского и Берингова морей, субполярным социально-экологическим резерватом мира под управлением России. С одновременным упразднением на его территории автономных округов. Ибо областного управленческого аппарата в век цифровизации будет вполне достаточно для обеспечения северных регионов всем необходимым для нормальной жизни населения и в первую очередь – коренных жителей Севера. Тем более что при этом местечковое чиновничество перестанет (неважно – вольно или невольно) вставлять палки в колеса цивилизации. Под которой в данном случае понимается не получение прибыли, а сохранение легко ранимой природы Севера в интересах всего человечества.

Утопия, могут сказать мне в ответ. Но ведь и развал СССР также казался утопией. И давайте не забывать об этом. Не будем забывать и о том, что если Россия станет самодостаточной (то есть мало зависимой от зарубежных пертурбаций) страной да к тому же и обеспечивающей своих граждан всем необходимым на достаточно высоком уровне, ее будут уважать не только потому, что у нас есть ядерная триада.

Ну и наконец позволю себе высказать еще одно соображение по теме. Дело в том, что, на мой взгляд, все думающее и создающее население планеты Земля делится на три основные группы: **профессионалов, творцов и провидцев**. Ни одна из этих групп не лучше и тем более не хуже других. Просто профессионалы (врачи, учителя, инженеры, управленцы и так далее), коих подавляющее большинство, делают то, чему их обучили при получении той или иной специальности. Тогда как творцы (артисты, художники, изобретатели, ученые) создают нечто новое, которое по мере проникновения в жизнь становится стезей деятельности новых профессионалов.

И вот для наглядности один пример. В мире существовали и существуют миллионы портных, умевших и умеющих по стандартным лекалам шить замечательную одежду. Но есть всего лишь сотни кутюрье, которые, накинув кусок материи на плечи прекрасной модели и небрежно скрепив при этом его булавками в нужных местах, создавали новую моду. Точно так же изобретатели и ученые создают нечто новое (те же компьютеры), которое вскоре, хотя и не сразу, становится повседневностью.

Но только провидцы, интуитивно предвидя перелом времен, пытаются предупредить о наступающих переменах и предлагают меры по уменьшению возможных угроз. Хотя, как правило, и уступают в полемике с преуспевающими профессионалами. И уступают по двум причинам. Как потому, что профессионалы давят массой и авторитетом. Так и потому, что пока предсказанное будущее не наступит, у провидцев очевидных доказательств быть не может. Другое дело, что когда предвидение сбывается, эти же самые профессионалы с детской непосредственностью восклицают: ну кто бы тогда так мог подумать! Что, кстати, мне не единожды приходилось выслушивать по поводу моих сбывшихся представлений.

Вот отчего, кстати, профессионалы зачастую стоят на пути прогресса. То есть, говоря иначе, прекрасно обучаясь и нередко замечательно делая то, чему их обучили, профессионалы (особенно отличники учебы и труда), тем не менее, вольно или невольно, сознательно или бессознательно, противодействуют новым веяниям и представлениям. Ибо только немногие из них сохраняют способность воспринимать нестандартные мнения и представления.

Тем не менее, чтобы уберечь возможных оппонентов от ненужных обвинений, добавлю, что в отличие от возражавших мне профессионалов я, в придачу к своему эвристическому предсказанию реально случившихся событий, сделал и то, чего не сделали сами профессионалы. То есть произвел вполне квалифицированный, как мне не раз говорили тет-а-тет некоторые специалисты, анализ социально-экономического развития Камчатской области за 30-летний период, предшествующий развалу областной экономики. Целью которого был не обзор прошлых достижений, а показ того, к чему на самом деле привела прошлая социально-экономическая деятельность и чем это может обернуться в новых обстоятельствах. Тогда как и специалисты планово-экономического управления облисполкома, и специалисты тогдашнего Камчатского института экологии и рационального природопользования, и геологи, и судоремонтники, и другие профессионалы в лучшем случае ограничивались приведением данных, показывающих, по их мнению, успехи линейно-прогрессивного развития отдельных отраслей и всего народного хозяйства Камчатки в прошлом. И умалчивали даже об очевидных просчетах в деятельности соответствующих отраслей и производств и всего народно-хозяйственного комплекса области в целом.

Впрочем, речь обо всем этом пойдет, если получится, в завершающем очерке. А пока в качестве заключения еще раз повторю, что прогрессивное развитие того или иного социума (да и цивилизации в целом) возможно только в отдельные периоды, когда та или иная социосистема находится в равновесном состоянии. При этом равновесное состояние, характеризующееся временным проявлением линейности и упорядоченности, является всего лишь частным случаем неравновесного состояния. И в том свете опора на догматический по своей сути постулат о том, что будущее целиком и полностью зависит от прошлого, является наиболее принципиальной ошибкой при оценке назревающей бифуркационной ситуации. Ибо этот постулат срабатывает только в том случае, когда тот или иной социум (страна) находится на линейно-прогрессивном этапе своего развития. И совершенно не отвечает велениям времени в моменты, когда это развитие подходит к точке бифуркации. То есть когда в обществе наступает острый социально-экономический кризис и созревает революционная ситуация. Отчего, кстати, прогнозы последних десятилетий прошлого века, предусматривающие все, кроме краха СССР, и оказались столь неверными.